

В.В. ВЕРТОГРАДОВА

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО В МНОГОАЛФАВИТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

После того как в 1974 г. была опубликована трёхалфавитная надпись, высеченная на камне в районе Дашт-и-Навур (к юго-западу от Кабула) (*Fussman G.*, 1974), образцы неизвестного письма, запечатлённого в этой надписи, стали попадать в руки исследователей. К настоящему времени насчитывается около 30 надписей, выполненных этим письмом. Все они происходят из областей Правобережной и Левобережной Бактрии (Южный Узбекистан, Южный Таджикистан, Северный Афганистан) (ил. 1). Лишь одна надпись на серебряной чаше была найдена в кургане Иссык близ Алма-Аты и, как замечает её издатель, чаша могла быть трофеем (*Акишев К.А.*, 1976. С. 59).

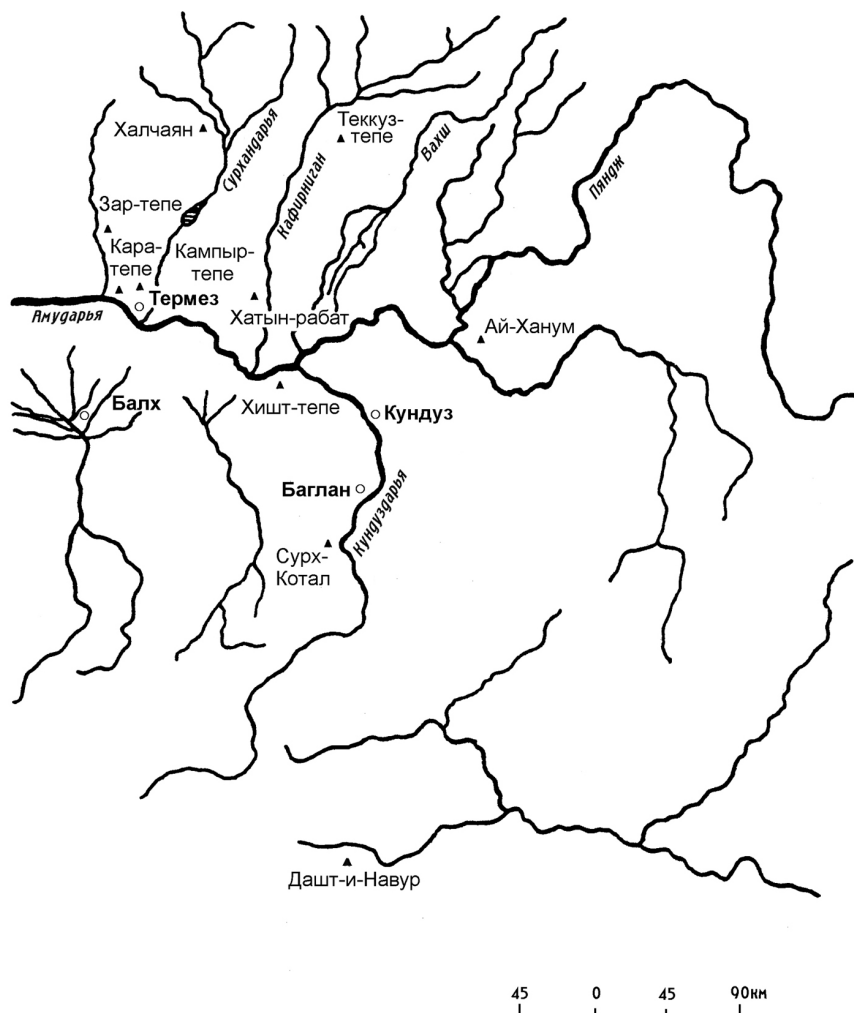
Известные на сегодняшний день надписи выполнены разной техникой. Среди них есть высеченные на камне, процарапанные на металлических предметах, нанесённые палочкой на глине, написанные чернилами на керамических сосудах. Ранние надписи выполнены техникой резов. Позднее появляются знаки с округлыми очертаниями, обязанные употреблению чернил. Однако эта тенденция к курсивности так и не получила развития. Нигде не встречается соединения двух соседних знаков.

Известно несколько способов компоновки текста: надпись свободной компоновки на дне сосуда, надпись в одну строку по венчику сосуда, многострочная надпись на камне, надпись в две или три строки по тулову сосуда.

Надписи охватывают период от IV–III в. до н. э. до V–VI в. н. э.

Изучение неизвестного письма велось по трём направлениям: 1) публикация текстов (А. Аманжолов, А. Марик, Ж. Фюсман, В. Лившиц, П. Бернар, В. Вертоградова); 2) попытки чтения и/или перевода надписей (А. Аманжолов, Ж. Фюсман, Я. Харматта); 3) попытки определения языка, стоящего за этим письмом и его истоков (Ж. Фюсман, В. Лившиц, В.В. Иванов, Э. Ртвеладзе, В. Вертоградова).

Все исследователи, кроме автора этих строк, исходили из того, что дошедшие до нас памятники неизвестного письма представляют одну письменность (алфавит), со временем подвергшуюся эволюции. За этим набором знаков стоит один язык. По мнению А. Аманжолова – тюркский, В. Лившица и Я. Харматты – сакский, Б.Н. Мукерджи – пракрит, Ж. Фюсмана – пра-ормури, Э. Ртвеладзе – язык юэджей.

Ил. 1. Находки надписей неизвестным письмом
в Правобережной и Левобережной Бактрии

После того как мне удалось выявить 15 надписей этого письма, происходящих из различных мест Древней Бактрии, а также учитывая новые находки из Кампыр-тепе и Кош-тепе (Узбекистан), опубликованные Э.В. Ртвеладзе (*Ртвеладзе Э.В.*, 1998. С. 20–25), появилась возможность обновить программу изучения неизвестного письма. Новые задачи возникли прежде всего в связи с необходимостью установить контекст индийских надписей, найденных вместе с неизвестным пись-

мом при раскопках буддийских монастырей Термеза (Кара-тепе и Фаяз-тепе). Как продолжение и расширение этой задачи стала вырисовываться общая проблема информативности недешифрованного письма. В настоящее время известно более 20 письменностей, которые после неудавшихся попыток дешифровки выпадают из поля зрения исследователей как неинформативные.

Уже предварительное обследование сохранившихся знаков неизвестного письма свидетельствует о присутствии в этом реестре разных алфавитов, относящихся к одному типу письма. Поэтому первая конкретная задача – выявление наборов инвариантов (алфавитов) внутри множества знаков. Второй задачей я считаю установление культурного контекста выделенных алфавитов, что соответствует выявлению роли отдельных видов неизвестного письма в многоалфавитном пространстве Древней Бактрии. Сюда входит определение жанров текстов неизвестного письма и функциональной дифференциации алфавитов, выявление их приоритетов в зависимости от социальных, конфессиональных, пространственных и иных установок их носителей.

Проведённое мной палеографическое исследование всех надписей неизвестного письма позволило выделить (предварительно) три алфавита.

Ранняя разновидность, конфигуративно ограниченная, воплощена в надписях кургана Иссык (Акишев К.А., 1976) и Ай-Ханума (Bernard P., 1980). Надписи относятся к IV–II в. до н. э. Поздняя разновидность представлена двумя алфавитами: алфавитом надписи Сурх-Котала (Maricq A., 1958), относящейся к I в. н. э., и алфавитом надписей Дашт-и-Навура, Кара-тепе, Хатын-рабата и других памятников Бактрии (Fussman G., 1974; Вертоградова В.В., 1982, 1995; Ртвеладзе Э.В., 1998).

Несомненно, все три выделенных алфавита являются неполными. Но третий алфавит активно пополняется благодаря находкам новых надписей и даёт большие возможности для исследования. Поэтому поставленные мной задачи я пыталась рассмотреть на материале этого третьего алфавита.

В результате мне удалось составить таблицу инвариантов неизвестного письма третьего алфавита (ил. 2), положив в основу перечень знаков Кара-тепе (21 знак) в сопоставлении со всеми известными на сегодня текстами этого письма из Средней Азии. Таблица содержит 30 знаков, которые подтверждены их употреблением в нескольких надписях этого региона. Тем самым удалось проверить и скорректировать инвентарь знаков в таблице Ж. Фюсмана (ил. 3), составленной на основе надписи из Дашт-и-Навура (Fussman G., 1974. Табл. VI). Несколько знаков этой таблицы остались не выверенными из-за отсутствия аналогий в новом материале.

	Кара-тепе	Фаяз-тепе	Зар-тепе	Теккуз-тепе	Чим-Курган	Хатын-рабат	Хал-чаян	Дильбер-джин	Кош-тепе	Кампыр-тепе	Дашт-и-Навур
1	𐎧 𐎧 𐎧										𐎧 𐎧 𐎧 𐎧
2	𐎧										𐎧 𐎧 𐎧
3	𐎧 𐎧										𐎧
4	𐎧 𐎧										𐎧
5	𐎧 𐎧										𐎧
6	𐎧										𐎧
7	𐎧 𐎧			𐎧			𐎧				𐎧 𐎧 𐎧
8	𐎧 1	1	1								1
9	𐎧										𐎧
10	𐎧 𐎧 𐎧							𐎧			
11	𐎧 𐎧 𐎧	𐎧	𐎧	𐎧							𐎧
12	𐎧 𐎧 𐎧 𐎧	𐎧		𐎧							
13	𐎧			𐎧	1	1			1	1	
14	𐎧 𐎧						𐎧				𐎧
15	1	1	1			1					1
16	𐎧				𐎧						𐎧
17	𐎧 𐎧	𐎧									𐎧 𐎧
18	𐎧 𐎧 𐎧		𐎧								𐎧 𐎧 𐎧
19	𐎧 𐎧			𐎧				𐎧			𐎧
20	𐎧 𐎧										𐎧
21	𐎧										𐎧
22		𐎧 𐎧									𐎧
23			𐎧 𐎧							𐎧	𐎧
24			𐎧								
25			𐎧								𐎧
26				𐎧							𐎧
27				𐎧	𐎧		𐎧		𐎧	𐎧	𐎧 𐎧 𐎧 𐎧
28					𐎧						𐎧
29						𐎧					𐎧
30						𐎧				𐎧	𐎧

Ил. 2. Знаки неизвестного письма в надписях из Кара-тепе в сопоставлении с находками из других областей Бактрии

	A	B	C	D	E	F	G	H		A	B	C	D	E	F		A	B
1	𐎧	𐎡	𐎢	𐎣	𐎤	𐎥			14	𐎦	𐎧	𐎨	𐎩	𐎪	𐎫		27	𐎬
2	𐎭	𐎮	𐎯	𐎰	𐎱	𐎲		𐎳	15	𐎴	𐎵	𐎶	𐎷	𐎸	𐎹		28	𐎺
3	𐎻	𐎼	𐎽	𐎾					16	𐎿	𐏀	𐏁	𐏂				29	𐏃
4	𐏄	𐏅	𐏆	𐏇	𐏈		𐏉		17	𐏊	𐏋	𐏌	𐏍	𐏎	𐏏		30	𐏐
5	𐏑				𐏒	𐏓	𐏔		18	𐏕	𐏖						31	𐏗
6	𐏘	𐏙	𐏚	𐏛	𐏜	𐏝	𐏞	𐏟	19	𐏠							32	𐏡
7	𐏣	𐏤	𐏥	𐏦	𐏧	𐏨			20	𐏩	𐏪	𐏫	𐏬				33	𐏭
8	𐏮	𐏯	𐏰	𐏱	𐏲	𐏳			21	𐏴	𐏵	𐏶	𐏷				34	𐏸
9	𐏹	𐏺	𐏻	𐏼	𐏽				22	𐏾	𐏿						35	𐏿
10	𐏿	𐐀	𐐁	𐐂	𐐃				23	𐐄							36	𐐅
11	𐐆	𐐇	𐐈	𐐉	𐐊				24	𐐋	𐐌						37	𐐍
12				𐐎					25	𐐏								
13	𐐑	𐐒	𐐓	𐐔					26	𐐕	𐐖	𐐗	𐐘					

Ил. 3. Знаки неизвестного письма из Дашт-и-Навура (из таблицы Ж. Фюсмана)

Вторую задачу – выявление культурного контекста неизвестного письма – я пыталась решать на основе рассмотрения многоалфавитного пространства Древней Бактрии. При этом я сознательно не касаюсь проблем языка и этноса, а пытаюсь выстроить культурную ситуацию, исходя из самого письма и его узуса. Такую ситуацию я называю **социоскрипторной**, поскольку она не является аналогом ни языковой ситуации, ни этнокультурной.

Представляется целесообразным выделить следующие типологические признаки такой ситуации:

- многоалфавитность – vs;
- неравнозначность алфавитов – vs;
- наличие генетического родства алфавитов – vs;
- престижность – vs;
- официальный (государственный) статус – vs;
- конфессиональный статус – vs;
- воплощение внутреннего пространства – vs;
- воплощение целого пространства – vs.

Разумеется, не все эти признаки бывают значимыми для конкретной ситуации и не все могут быть опознаны в ограниченном материале древних систем письма. Но даже частичное их выявление может прояснить культурную позицию алфавита и приоткрыть некоторые историко-культурные закономерности.

Материалом для исследования социоскрипторной ситуации Древней Бактрии (I–V вв.) послужили эпиграфические тексты разных жанров, записанные разными алфавитами, включая легенды монет кушанских и посткушанских правителей.

В Древней Бактрии можно выделить два очага порождения письма: двор правителя (включая наместников и городские службы) и буддийскую общину (от крупного центра с вихарами и ступами до мелкого святилища).

Что касается первого скрипторожающего центра, то в исследуемый период от него исходили тексты, записанные греческим письмом, бактрийским письмом (монументальным и курсивным), неизвестным письмом, алфавитами кхароштки и брахми.

Для раннего периода кочевых правителей Древней Бактрии, засвидетельствованного монетными легендами – подражаниями чекану Гелиокла и Евкратиды, характерна одноалфавитность. Греческое письмо рассматривалось как официальный (=государственный) алфавит, отождествляемый с внутренним (своим) и одновременно целым пространством.

Надписи первого кушанского царя Кудзулы Кадфиза – двухалфавитны: аверс – греческое письмо, реверс – кхароштки (*Mitterwallner G. von.*, 1956. P. 189–190. Fig. 3–4). Алфавиты не родственны, с неравнознач-

Ил. 4. Монета кушанского царя Вимы Кадфиза

ным характером систем письма, оба употреблялись как официальное письмо. Основная их ориентация – пространственная: греческий алфавит воплощает своё (внутреннее) пространство, кхароштки – внешнее пространство, отождествляемое с индийским миром, на который были устремлены взоры первых кушанских правителей. Алфавиты не несут конфессиональной нагрузки, хотя иногда сопровождаются конфессионально значимыми иконографическими элементами (алтарь огня, бог Шива).

При следующих кушанских правителях, известных под именем Вима^{*} – Вима Так[то?], Вима Такшума, Вима Кадфиз (*Sims-Williams N., Gribb J.*, 1995/96. P. 77–142. Fig. 11–15; *Mukherjee B.N.*, 1995. P. 27; *Ртвеладзе Э.В.*, 1998. С. 68) в Бактрии были употребительны четыре алфавита: греческое письмо, неизвестное письмо, бактрийское письмо и кхароштки. Греческое письмо и кхароштки, как и при Кудзуле Кадфизе, продолжали наносить на монеты (ил. 4). При этом легенда кхароштки стала сочетаться, а иногда заменяться на реверсе изображением бога Шивы (с быком Нандином), которое, видимо, выполняло ту же функцию, что и алфавит кхароштки – отождествление царя с внешним миром в противоположность греческому алфавиту, ориентированному на своё (внутреннее) пространство.

При одном из царей с именем Вима, возможно, при Виме Кадфизе, в Бактрии создаётся новое письмо, условно называемое бактрийским. Оно основано на греческом алфавите и характеризуется добавлением одного лишнего знака *h* «сан» для шипящего сибиллянта *ʃ*, а также употреблением ипсилона *υ* для обозначения фарингального глайда *h* и омикрона *ο* для *w* (*Лившиц В.А.*, 1974. С. 315; *Стеблин-Каменский И.М.*, 1981. С. 335).

^{*} Исследование второго имени этих царей, оставивших след в надписях и монетных легендах, равно как и их генеалогия, требуют дальнейших изысканий. Здесь этот вопрос не рассматривается.

Бактрийское письмо постепенно заменяет греческое, сначала – в многоалфавитном пространстве как письмо, ориентированное на свой (внутренний) мир. В это же время входит в употребление новый вид (третий алфавит) неизвестного письма (об этом подробнее ниже) и продолжает употребляться кхароштки.

В трёхалфавитной надписи из Дашт-и-Навура, опубликованной Ж. Фюсманом, отчётливо видна иерархия алфавитов, где бактрийское письмо занимает первое место, как и лицевую сторону монет, неизвестное письмо – среднее, а кхароштки – нижнее, соответствующее реверсу монет. Подобная иерархия алфавитов, государственный характер надписи, тщательно высеченной на большом камне, употребление алфавитов, различающихся генетически, ориентированность на соединение частей путём заполнения внутреннего, среднего и внешнего пространства, – всё это соответствовало основной задаче подобного текста – охвату целого, отождествляемого с царём как владыкой всего мира (*sarvalogísvara*).

Но окончательное узаконивание и при этом изменение функции бактрийское письмо получает при Канишке I, который официально утверждает это письмо как «своё» и одновременно расширяет его значение (в государственном употреблении) до уровня «всемирного».

Это нашло отражение в недавно найденной бактрийской надписи из Рабатака (Афганистан), в которой есть такая строка:

οηια ιωναγγο οασο οζοαστο ταθηια αριαο οσταδο

Исследователи этой надписи Н. Симс-Вильямс и Дж. Грибб (*Sims-Williams N., Gribb J.*, 1995/96. Р. 78), как и Э.В. Ртвеладзе (*Ртвеладзе Э.В.*, 1998. С. 68), переводят эту строку так: «И он издал эдикт на греческом языке и затем перевёл его на арийский».

Такой перевод мне кажется необоснованным. В надписи речь идёт не об эдикте, а о речи/языке οασο (санскр. *vāc*), причём имеется в виду письменная речь. Текст следует переводить: «И когда он отвёл речь ионийскую (=греческую), тогда он установил арийскую (=бактрийскую)»^{*}.

Эта установка осуществляется не сразу, и первые монеты Канишки продолжают выпускаться с греческой легендой: βασιλεὺς βασιλεὼν κανηρκου – «Цар(я) царей Канишки», но с введением нового знака ρ для записи имени. При этом на реверсе монет вместо легенды кхароштки и/или изображения Шивы, появляется местная богиня Нана (*Mitterwallner G. von.*, 1956. Р. 190. Fig. 8 a, b).

Постепенно на монетах окончательно утверждается бактрийский алфавит, причём на реверсе может присутствовать пантеон божеств от Греции до Индии, но все они подписываются бактрийским письмом.

^{*} К аналогичному выводу приходит Б.Н. Мукерджи (*Mukherjee B.N.*, 1995. Р. 16).

Эта же ситуация наблюдается и при следующих (по крайней мере двух) кушанских правителях^{*}.

С официальным утверждением бактрийского письма Канишкой I пространство начинает фиксироваться как неделимое целое. Создаются большие бактрийские одноалфавитные надписи, регистрирующие деяния кушанских правителей (Рабатак, Айртам, Сурх-Котал), этим же письмом подписываются геммы-печати наместников и других кушанских сановников (*Cunningham A.*, 1893. P. 116. Pl. 18; *Maricq A.*, 1958. P. 362–363; *Лившиц В.А.*, 1969. С. 57–60), делаются надписи официального характера на больших сосудах хумах (Там же. С. 60).

Такая государственная установка – «завоевание» пространства бактрийским письмом, заявленная Канишкой I в надписи из Рабатака (формирование этой установки, как мною было показано, началось уже при Виме Кадфизе), вполне согласуется с общей установкой ранних кушанских правителей на идеал вселенского правителя чакравартина (*sarvalogīśvara* «владыка всего мира»), причём преимущественно в его добуддийской форме (*Verardi G.*, 1988. P. 225). Между тем создание образа Канишки I как праведного буддийского правителя, главы IV буддийского собора – несомненно, поздняя разработка индийской текстовой традиции.

Таким образом, при Канишке I алфавит кхароштии выходит из употребления в царской канцелярии Бактрии (монетный чекан, печати, официальные государственные надписи), но на некоторое время ещё остаётся при составлении частных хозяйственных документов (*Вертоградова В.В.*, 1982. С. 164–165) и в оформлении отношений с буддийским монастырём (см. об этом ниже).

На монетах поздних кушанских правителей Канишки II и Васишки среди иконографических деталей появляются первые знаки индийского письма брахми. Они не составляют ещё самостоятельной легенды, а присутствуют на ряду с легендой, составленной бактрийским алфавитом (*Mitterwallner G. von.*, 1956. P. 193, Fig. 15 a, b). На монетах Васудевы III впервые засвидетельствованы связанные индийские легенды алфавитом брахми. Так на монете из Британского музея (*Mitterwallner G. von.*, 1956. P. 196. Fig. 24) имя Васудева представлено письмом брахми в виде легенды

𑀧𑀺𑀓𑀾𑀢𑀺 vasu,

при бактрийской легенде

𑀧𑀺𑀓𑀾𑀢𑀺 𑀧𑀺𑀓𑀾𑀢𑀺 𑀧𑀺𑀓𑀾𑀢𑀺 𑀧𑀺𑀓𑀾𑀢𑀺 –

«Царь царей Базодео (=Васудева) Кушан».

^{*} Последовательность правителей не очевидна и требует дальнейшего изучения.

Расположение знаков брахми сверху вниз (а не слева направо) соответствует порядку акшар на монетах шаков и ранних гуптов, что может свидетельствовать о временной близости этого типа легенд.

Употребление письма брахми нашло продолжение в монетном чекане хионитов и эфталитов, захвативших власть в Бактрии после кушанских правителей. Многие монеты хионитов сочетают бактрийское письмо на аверсе с легендой брахми на реверсе.

Ср. аверс: $\sigma\pi\ \beta\alpha\gamma\omicron\ \omicron\zeta\rho\omicron\beta\alpha\delta\iota\gamma\omicron\ \sigma\alpha\nu\alpha\nu\omicron\ \beta\alpha\gamma\omicron\ \chi\omicron\alpha\delta\eta\theta\omicron$ – «Досточтимый владыка Озробадиго (=Ваджрапатика), одолевший врагов, владыка государь». Реверс: $\mathfrak{J}\mathfrak{J}\mathfrak{J}\mathfrak{J}$: – *vakhudevah* «владыка государь» (*Göbl R.*, 1967. Эм. 244; *Вертоградова В.В.*, 1982. С. 137–138).

Таким образом, начиная с Васудевы III, письмо брахми функционально заменяет в Бактрии алфавит кхароштхи периода ранних кушанских правителей. Кушанский мир перестаёт представляться структурно неделимым (*sarvaloga*) как при Великих кушанах.

«Дипломатическое» признание индийской составляющей в кушанском пространстве сказалось и в возвращении на реверс монет Васудевы изображения Шивы с быком Нандином, иконографически близкого монетам Вимы Кадфиза.

Возможно, эта же тенденция нашла отражение и в самом имени Васудева, которое, по-видимому, имеет форму индийской гиперкоррекции исконного бактрийского имени, корневой элемент которого *vas-*, представленный бактрийской формой $\beta\alpha\zeta\eta\rho\kappa\omicron$, был превращён индийским этимологизированием в *vasu* в имени *vasudeva* (*Basham A.L.*, 1957. P. 20). В это время выходит из употребления бактрийское монументальное письмо и получает распространение бактрийский полукурсив и курсив, которые охватывают основную официальную документацию, как и частные надписи (*Лившиц В.А.*, 1969. С. 54).

Такова в основном деятельность первого (государственного) скрипторождяющего центра Древней Бактрии.

Теперь обратимся ко второму центру, который представляет буддийская община. Особенно наглядным является письменный материал буддийского монастырского комплекса Кара-тепе в Старом Термезе, обследованного стратиграфически (*Ставиский Б.Я.*, 1977; *Лившиц В.А.*, 1969, 1996; *Вертоградова В.В.*, 1982, 1995).

В монастыре использовались следующие виды письма: кхароштхи, неизвестное письмо, бактрийское письмо (монументальное и курсивное), брахми. При этом обнаружено двенадцать двух- и трёхалфавитных надписей.

Что же означала эта четырёхалфавитность в культурном пространстве монастыря? Некоторые исследователи пытались связать употребление разных алфавитов с этническими различиями в монашеской среде.

Изучение надписей в контексте позволило установить, что употребление алфавитов в монастыре тесно связано с основными эпиграфическими жанрами: надписью votивной и надписью владельческой (Вертоградова В.В., 1995. С. 15).

По-видимому, с самого начала жизни монастыря, основанного, как мне удалось показать, местным правителем, в монастырь шёл поток votивных надписей кхароштни, адресованных монашеской общине, от различных представителей местной кушанской элиты: правителя 𑀧𑀲𑀭𑀸𑀓 *khadevaka* (бактр. 𑀧𑀸𑀓𑀲𑀸𑀓), представителя местной знати «всадника» 𑀧𑀲𑀭𑀸𑀓 *asvavhara* (бактр. 𑀸𑀲𑀸𑀓𑀲𑀸𑀓), состоятельного домовладельца 𑀧𑀲𑀭𑀸𑀓 *marjhaka* (бактр. *𑀸𑀲𑀸𑀓𑀲𑀸𑀓, ср. х. с. *malsakā*) (Там же. С. 44, 45.)

Употребление алфавита кхароштни даже для записи бактрийских социальных терминов и местных собственных имён, таких как 𑀧𑀲𑀭𑀸𑀓 *gulavhara* (Гондофар), выявляет те же функции алфавита, которые, как я пыталась показать выше, характерны для реверса монет ранних кушанских правителей и для надписи DN III, где письмо кхароштни воплощает внешнее пространство, противопоставленное миру кушанской власти как своему.

С позиции буддийского монастыря такая трактовка была обычным воплощением индийской письменной традиции (как части её лингвистической традиции), согласно которой область Мадхьядеш и всё, что находилось южнее, относилось к сфере алфавита брахми, область Гандхары – к сфере алфавита кхароштни.

Такая установка продолжала действовать до Васудевы, когда в монастыре появляется новый жанр надписей – владельческая надпись, по-видимому, обязанная новому притоку монахов из Юго-Восточной Индии (Вертоградова В.В., 2001). Владельческая надпись использует алфавит брахми как основной, который в трёхалфавитных надписях дополняется бактрийским письмом и письмом кхароштни. Надпись составляется для регистрации монашеской собственности (кувшинов для воды) и одновременно является регистрацией и прославлением званий и заслуг буддийских учителей и проповедников. Таких сосудов для воды (монахи выходили с ними за пределы монастыря) одному монаху могло быть приписано больше десяти (Вертоградова В.В., 1995. С. 46).

Таким образом, эти надписи были обращены из монастыря в мир – мир кушанской знати, посещавшей монастырь и покровительствовавшей ему, и мир паломников, останавливавшихся в монастыре^{*}.

* Обычных для индийских монастырей отношений монахов с окружающим населением, в частности хождения с чашей (патрой) за подаванием (т. е. кормления) по материалам Кара-тепе и Фаяз-тепе не просматривается. Во всяком

Употребление во владельческих надписях алфавита брахми как основного означало, что пространство монастыря стало ассоциироваться с самой индийской метрополией. Адресованность же надписей кушанскому миру стала обозначаться параллельным употреблением другого, внешнего по отношению к монастырю, бактрийского алфавита (Там же. С. 107; *Лившиц В.А.*, 1996. С. 179).

Использование в качестве третьего алфавита письма кхароштки, по-видимому, означало признание древней практики употребления индийского письма в Гандхаре и представляло определённое параллельное подтверждение ритуальной практики подписывания сосуда. Никакой языковой информации по сравнению с текстом брахми индийская надпись кхароштки не несла.

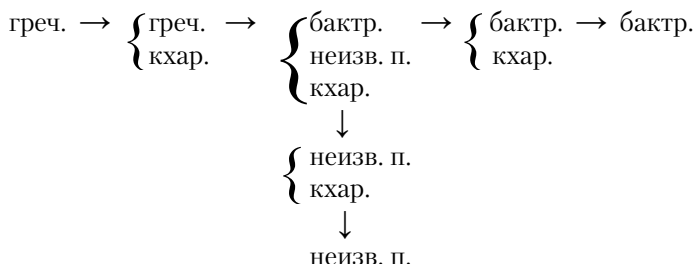
Постепенно алфавит брахми сменяет кхароштки и в вотивных надписях.

Рассмотрев два скриптопорождающих центра Древней Бактрии и распределение порождённых этими центрами текстов, можно заключить, что приоритеты двух культурных сил (царской власти и буддийской общины) на территории одного государства были разными, но постоянно пересекались. Приоритеты власти менялись в связи с пространственно-временными установками правителей (введение новой эры, захват территорий и проч.) и перераспределением сил в правящей элите.

Приоритеты сангхи зависели от связи изолированной конфессии с метрополией, откуда шёл приток монахов, и отношений с местными властными структурами. Только в этой связи можно рассматривать позицию письма, занимающего определённое положение в социокультурном пространстве, в данном случае, неизвестного письма.

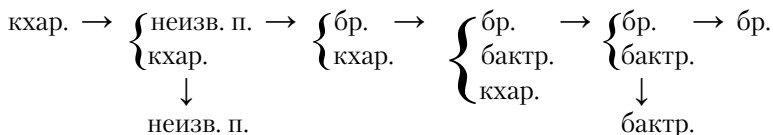
Если представить движение алфавитов в культурном пространстве Древней Бактрии в виде схемы, то получим такую картину:

1. Государственная власть

случае, в монастыре Фаяз-тепе археологами обнаружено большое хозяйственное помещение с печами и посудой для приготовления пищи.

II. Буддийская община

Из схемы видно, что в Бактрии происходила смена официального письма. Основной линией при этом был переход от чужого алфавита (греческого) к своему письму (бактрийскому). Этот переход не был одномоментным и должен был охватить все стороны культуры и все слои общества при постоянном соблюдении иерархии ценностей и заботе о соответствии письма основным пространственным характеристикам (ближнее – дальнее, внешнее – внутреннее, целое – часть и т. д.).

Первым шагом такого перехода было умножение письменных форм в официальном представительстве социума, что обычно подкрепляется билингвами и трилингвами. «Чужое» письмо следовало поставить в ряд других уже известных в окружающем мире систем письма, включая «свое», а затем постепенно сокращать этот ряд до одной, но уже своей системы, в данном случае, бактрийской, в итоге санкционированной предписанием Канишки I в надписи из Рабатака (*Sims-Williams N., Gribb J., 1995/96. P. 75–142*).

При выборе триады или диады алфавитов в последних всегда выступают претенденты на государственное письмо, уже имеющие хождение в социуме, либо алфавиты соседних социумов.

Таким алфавитом-претендентом, по-видимому, выступало неизвестное письмо, которое в соревновании с бактрийским и кхароштки (надпись DN III) имело достаточно высокий статус, но постепенно отошло на вторые роли, уступив главную государственную роль бактрийскому алфавиту. О достаточной престижности неизвестного письма свидетельствует и билингва из Хатын-Рабата, нанесённая на внешней и внутренней стороне большого сосуда (хума), по-видимому, с указанием даты (*Вертоградова В.В., 1982. С. 164–165. Ил. 20*).

Однако уже при Хувишке все крупные государственные надписи делаются бактрийским письмом (Сурх-Котал, Айртам). Неизвестное письмо продолжает употребляться в Бактрии до V–VI в. Многочисленные его образцы обнаружены в городских поселениях (Кампыр-тепе, Зар-тепе) и, по-видимому, относятся к хозяйственной или торговой деятельности.

Так заканчивается переход от чужого (греческого) письма к своему (бактрийскому).

Типологически сходная ситуация складывается в буддийском монастыре Бактрии. Сразу же после основания буддийского монастыря

Кара-тепе, который назывался 𑀧𑀲𑀭𑀸𑀓𑀲𑀺 *khadevaka-vihara* «Государева вихара», в качестве основного алфавита для votивных надписей местной элиты устанавливается письмо кхароштки. Вскоре столь же престижным становится неизвестное письмо. Об этом свидетельствует двухалфавитная надпись «неизвестное письмо – кхароштки», где читается фрагмент буддийской votивной формулы. Эта надпись обнаружена в потайной камере, относящейся приблизительно ко времени основания монастыря (Вертоградова В.В., 1995. С. 45; Ставиский Б.Я., 1982. С. 25). Эти два алфавита некоторое время соперничают в votивных надписях с перевесом в сторону кхароштки. По-видимому, ситуация близка по типу надписи DN III (в её второй и третьей части).

Со временем в результате изменения связей с индийской метрополией и с местной элитой, ориентированной на бактрийский алфавит, в письменной практике монастыря создаётся триада «брахми – бактрийское письмо – кхароштки» для владельческих надписей, адресованных в мир. В конце концов брахми одерживает верх как официальное письмо монастыря, и даже votивные надписи начинают составляться на брахми (Вертоградова В.В., 2001). Бактрийский язык и неизвестное письмо продолжают употребляться, но играют второстепенную роль.

Так происходит в монастыре переход от «чужого» с точки зрения индийской «метрополии» письма кхароштки к «своему» брахми.

Не обращаясь к рассмотрению проблемы соотношения алфавита, языка и этноса, я позволю себе высказать лишь несколько предварительных соображений в связи с различными гипотезами исследователей.

По своему местоположению в структуре культурного пространства неизвестное письмо было порождено иным, чем бактрийский, культурным слоем. Для утверждения своего господства этот слой вынужден был «маркировать» себя как правящий, стоящий над социумом. Это нашло выражение в кушанском кочевническом костюме и оружии (ритуальных), закрепившихся в иконографии (стенопись, печати, монеты), и в «своём» алфавите (неизвестное письмо). И костюм, и письмо, по-видимому, отражали не этнос, а противопоставление новой кочевнической правящей элиты бактрийскому социуму, основанному на многовековой земледельческой традиции.

Таким образом, неизвестное письмо представляло собой один из группы алфавитов, создававшихся кочевническими общностями в разных областях Азии.

В этом контексте кажутся малопродуктивными гипотезы, которые связывают неизвестное письмо с конкретным местным народом и языком той территории, где найдена надпись.

Наиболее перспективной представляется гипотеза Э.В. Ртвеладзе (*Ртвеладзе Э.В.*, 1998. С. 24–25), соотносящего неизвестное письмо с народом, который в древнекитайских хрониках именуется юэджи, и его языком.

Эта гипотеза привлекательна ещё тем, что мы не знаем, ни каков был язык юэджи, ни каков был их этнос. В связи с этим следует напомнить о розысканиях относительно кочевников на западных границах Китая, проведённых Ю.Н. Рерихом и опубликованных посмертно в статье «Тохарская проблема» (*Рерих Ю.Н.*, 1963). В этой работе, подробно исследовав материалы китайских хроник о юэджи и ту-хо-ло и данные античных источников о тохарах, Ю.Н. Рерих приходит к выводу, что юэджи – это кочевническая орда, состоявшая из разных этносов, куда входили тюркский, сакский и кучанский («тохарский») этносы (Там же. С. 119).

В свете этих выводов исключительный интерес представляет гипотеза В.В. Иванова, надёжно аргументированная лингвистически, выявляющая пласт «тохарской» (кучанской) ономастики в именах основных кушанских правителей, начиная с Канишки (*Иванов В.В.*, 1967. С. 110–112). Исследование Иванова выявляет характерный для этих имён суффикс *-ška/-śka* (с предшествующим гласным) как суффикс не-иранского происхождения^{*}, но имеющий многочисленные параллели в кучанском языке (тохарский В), а также в языке надписей кхароштли из Нийи, где этот суффикс употребляется как в именах собственных типа *Lariške* (наряду с прилагательным *lare* «милый»), так и нарицательных *caitiške* наряду с *caitya* «буддийское святилище, чайтья». Этот суффикс мог контаминироваться с именами иранского происхождения: *Mitraške* наряду с *Mitra*. Обычно считают, что этот суффикс имеет уменьшительное значение. Но, скорее всего, он близок по значению указательному местоимению «этот», причём иногда соответствует определённому артиклю. Подобное значение Ф. Эджертон выявил для суффикса *-ka* в среднеиндийских языках (*Edgerton F.*, 1953. P. 122).

В связи с этим к списку кушанских правителей с суффиксом *-ška*, которым отмечены Великие кушаны, теперь можно добавить имя *Sadaška*, засвидетельствованное в надписи Сенавармы из Удияны, составленной алфавитом кхароштли (*Fussman G.*, 1982. P. 5; *Solomon R.*, 1986. P. 271).

В этой надписи (строка 8d) имя дано в индийской интерпретации с дополнительным индийским суффиксом *-na* (*Sadaškana*). Садашка предстаёт как сын Кудзулы Кадфиза, и был, видимо, наместником в Свате

^{*} Ср. малообоснованное, на мой взгляд, возведение В.Б. Хеннингом (1965) этого суффикса к иранскому суффиксу превосходной степени *-*išta* (санскр. *-iṣṭha*), на чём строятся его доводы о том, что бактрийский яз. был родным для Великих кушан.

(при жизни самого Кудзулы Кадфиза): ...*maharaja – rayatiraya – Kujula – Kataphśa – putra – Sadashkano – devaputro... puyita* – «...сын бога Садашка(на), сын великого царя, царя царей Куджулы Катафши (=Кадфиза)... пусть будет почтён».

Таким образом, тот языковой пласт в кушанской ономастике, который отмечен суффиксом *-śka*, отслеживается не с Канишки, т. е. Великих кушан, а по крайней мере со времени Кудзулы Кадфиза, когда оформляется власть первых кушанских правителей, и, видимо, прекращается с Васишкой при трансформации его имени из βαζηρκο в индийского Васудеву (*Vasudeva*).

В связи с этим кажется перспективным, в том числе для дальнейшего изучения неизвестного письма, лингвистическое исследование того языкового компонента, который послужил субстратом для языков документов из Нийи, на связи которого с тохарским В (сохранившимся в более поздних памятниках) не раз обращали внимание исследователи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАХОДКА НОВОЙ НАДПИСИ НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСЬМОМ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

В 1989 г. во время раскопок был обнаружен фрагмент венчика тонкостенного сосуда размером 8×5,5 см¹. Фрагмент найден в свалке, расположенной к западу от комплекса Е. Сосуд покрыт красным ангобом

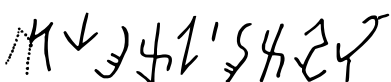
Ил. 5. Фрагменты сосуда с надписью неизвестным письмом из Кара-тепе

¹ Инвентарный номер 40138-КП, полевой шифр КТ-89/Е-9н.

и содержит надпись из пяти знаков, выполненную на расстоянии 2 см от края венчика. Надпись впервые опубликована мною в своде карате-пинских надписей (*Вертоградова В.В.*, 1995. С. 116).

В 1991 г. в комплексе Е был найден фрагмент того же сосуда размерами 7,5×9 см, на котором видна надпись, также состоящая из пяти знаков. Фрагменты хорошо стыкуются и образуют один текст, содержащий десять знаков неизвестного письма. Последний знак частично утрачен.

Предварительная публикация надписи (без фотографии текста) была сделана нами в 1996 г. (*Vertogradova V.V.*, 1996. Р. 119). Теперь надпись публикуется целиком с некоторыми уточнениями (ил. 5).

Текст:

Первый знак надписи был засвидетельствован на Кара-тепе (ил. 2, № 5). Его исходная форма (без диакритики – горизонтальной чёрточки вправо) соответствует № 5A надписи неизвестным письмом на камне из Дашт-и-Навур (DN III). Наши попытки отождествить этот знак с № 19 (DN III) теперь представляются необоснованными. Следует также отметить, что знаки, числящиеся под № 5F, 5G надписи DN III определённо не относятся к тому же типу, что № 5 A этой надписи, как считал Ж. Фюсман. Их следует относить к № 4 надписи DN III и № 2 (ил. 2) Кара-тепе.

Второй знак надписи соответствует № 17D надписи DN III. Его исходная форма В нашей надписи, как и в № 17D, знак дан с диакритикой – косой чёрточкой влево от основной вертикали знака (Ср. № 17 с надписи DN III).

Следующий знак ранее не точно мною отождествлённый, следует отнести к № 4 КТ.

Знак (ил. 2, № 3) соответствует № 37A надписи DN III и представлен с тем же диакритическим знаком.

Следующий знак, представляющий короткую вертикальную черту , всегда пишется на верхнем уровне знаков и имеет аналогии во многих надписях из Северной Бактрии (Фаяз-тепе, Зар-тепе). Встречается этот знак и в DN III, судя по прорисовке текста. Однако отнесение его к № 21, как считает Ж. Фюсман (*Fussman G.*, 1974. Pl. VI), кажется неубедительным.

Знак (ил. 2, № 13) не имеет аналогий в DN III. Связь его с № 21 (DN III) сомнительна. Однако он встречается во многих областях Бактрии (Теккуз-тепе, Чим-Курган, Хатын-рабат). В Теккуз-тепе этот знак представлен с диакритикой .

Следующий знак 𐰚 засвидетельствован в Кара-тепе в четырёх надписях. В трёх случаях этот знак напоминает мужскую свастику 𐰚 , и в двухалфавитной надписи граффити (*Вертоградова В.В.*, 1995. С. 114) – женскую свастику 𐰚 .

Этот знак не известен ни надписи DN III, ни другим ранним надписям неизвестного письма, но варианты этого знака засвидетельствованы в ряде надписей Древней Бактрии начала н. э. (Фаяз-тепе, Теккуз-тепе). В некоторых случаях знак встречается с диакритикой: ср. 𐰚 , 𐰚 .

Знак 𐰚 может соответствовать № 16 надписи DN III 𐰚 , записанному с другой диакритикой.

Далее следует знак 𐰚 , очень слабо различимый и потому не прочитанный мною в первой публикации. Этот знак соответствует № 2 в надписи DN III.

Последний знак надписи частично повреждён. Утрачена его левая часть. Принимая во внимание наличие центральной вертикальной линии, можно восстановить знак как 𐰚 (ил. 2, № 1 или № 9 надписи DN III).

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А., 1976 – Курган Иссык. М., 1976.
- Вертоградова В.В., 1982 – Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе // Кара-тепе V.
- Вертоградова В.В., 1995 – Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе: Проблемы дешифровки и интерпретации. М., 1995.
- Вертоградова В.В., 2001 – Кара-тепе – Юго-Восточная Индия. Эпиграфические размышления // Индия и Средняя Азия (доисламский период). Ташкент, 2001. С. 43–46, 149–153, 227–230 (на англ. и русск. языках).
- Иванов В.В., 1967 – Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // НАА. 1967. № 3. С. 110–112.
- Лившиц В.А., 1969 – К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Кара-тепе II.
- Лившиц В.А., 1974 – Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974.
- Лившиц В.А., 1996 – Бактрийская версия трёхязычной надписи на сосуде из Кара-тепе. М., 1996.
- Лившиц В.А., Кругликова Т.И., 1979 – Фрагменты монументальной бактрийской надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. Т. II. М., 1979.
- Рерих Ю.Н., 1963 – Тохарская проблема // НАА. 1963. № 6. С. 118–123.
- Ртвеладзе Э.В., 1997 – Новые данные к истории государства Кушан // *Общественные науки Узбекистана*. Ташкент, 1997. № 5.
- Ртвеладзе Э.В., 1998 – Новые надписи неизвестным письмом из Северной Бактрии // *Адабий Мерос*. Ташкент, 1998. № 1–2 (67–68).

- Ртвеладзе Э.В., Лившиц В.А.*, 1985 – Письменности Кушанской Бактрии. Ташкент, 1985.
- Ставиский Б.Я.*, 1977 – Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Ставиский Б.Я.*, 1982 – Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974–1977 гг. // Кара-тепе V.
- Стеблин-Каменский И.М.*, 1981 – Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиндийские языки. М., 1981

- Basham A.L.*, 1957 – The Succession of the Line of Kanishka // BSOAS. Vol. 20. 1957.
- Bernard P.*, 1980 – Campagne de fouille 1978 à Ai-Khanoum (Afganistan) // Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus. P., 1980. T. 57.
- Burrow T.*, 1937–41 – The Language of the Kharoṣṭhī Documents from the Chinese Turkestan. Cambridge, 1937–1941.
- Cunningham A.*, 1893 – Later Indo-Scythian // *Numismatic Chronicle*. 3-d series. T. XIII. № 18. 1893.
- Edgerton F.*, 1953 – Buddhist Hybrid Sanskrit. Vol. 1. Grammar. New Haven, 1953.
- Fussman G.*, 1974 – Documents épigraphiques Kouchans // BEFEO. T. LXI. P., 1974.
- Fussman G.*, 1982 – Documents pigraphiques Kouchans (III). Inscription Kharoṣṭhī de Senavarma, roi d'Odi: une nouvelle lecture // BEFEO. T. LXXI. P., 1982.
- Göbl R.*, 1967 – Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. 1–4 Bd. Wiesbaden, 1967.
- Harmatta J.*, 1994 – Languages and Literature in the Kushan Kingdom // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II. 1994.
- Maricq A.*, 1958 – Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan) // JA. 1958. T. 246. № 7.
- Mitterwallner G. von.*, 1956 – Kuṣāṇa Coins and Kuṣāṇa Sculptures from Mathurā. Mathurā, 1956.
- Mukherjee B.N.*, 1995 – The Great Kuṣāṇa Testament. Calcutta, 1995.
- Solomon R.*, 1986 – The Inscription of Senavarma, king of Oḍi // *Indo-Iranian Journal*. Vol. 29.
- Sims-Williams N., Gribb J.*, 1995/96 – A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // *Silk Road Art and Archaeology*. № 4. Kamakura, 1995/96.
- Verardi G.*, 1988 – The Kuṣāṇa Emperors as Cakravartins // *East and West*. XXXIII. 1988.
- Vertogradova V.V.*, 1984 – Notes on Indian Inscriptions from Kara-Tepe // Summaries of Papers Presented by Soviet Scholars to the VI-th World Sanskrit Conference. October 13–20, 1984. Philadelphia, Pennsylvania. Moscow, 1984.
- Vertogradova V.V.*, 1996 – Inscriptions in Unknown Lettering from Buddhist Monasteries of Old Termez // IASCCA. Issue 20. Moscow, 1996.